

На правах рукописи

Зайцева Эльвира Викторовна

АРХИТЕКТОНИКА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Специальность 5.9.3 – Теория литературы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре теоретической и исторической поэтики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель:

Тюпа Валерий Игоревич,

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета.

Официальные оппоненты:

Кузнецов Илья Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории театра, литературы и музыки Новосибирского государственного театрального института.

Гачева Анастасия Георгиевна доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ), г. Пермь.

Защита состоится «25» июня 2026 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.06 (филологические науки), созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета, по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: https://www.rsuh.ru/upload/main/disssov/1_dis_Zaytseva_EV_278.pdf

Автореферат разослан «18» _мая_ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

Ю.В. Подковырин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия в постмодернистской культурной ситуации в значительной степени утрачен интерес к эстетической проблематике и творческой природе художественного письма. Настоящее исследование направлено на восстановление особой значимости этих аспектов теории литературы.

Актуальность исследования заключается в реабилитации значимости эстетической природы художественного письма в условиях практически полной утраты интереса к содержанию эстетической деятельности, сущностной сакральной основы творчества, облекающейся в совершенную словесную форму. Процесс «секуляризации» содержательной (духовной) природы произведения от его формальной (материальной) явленной природы связан с расцветом формализма в начале XX века, перешедшего затем в структурализм и постструктурализм. Об опасностях в игнорировании формальной школой литературоведения содержательного ядра творчества предупреждал М.М. Бахтин в своих ранних работах по эстетике словесного творчества. Развитие литературоведения по пути игнорирования сущностной содержательной стороны творчества постепенно отчуждает эстетическую составляющую произведения от его риторической формально данной стороны. В результате этого отчуждения сама категория эстетического объекта – главное сущностное ядро словесного искусства – приобретает статус маргинальности и практического забвения.

Об этом критическом состоянии эстетики словесного творчества на современном этапе развития филологии с особой настойчивостью говорит В. И. Тюпа в своих последних статьях («Два крыла художественного письма», «Литература и тайна творчества»¹ и другие). В них исследователь размышляет о принципиальной важности рассмотрения произведения словесного творчества в единстве двух природ – эстетической и риторической. Тюпа утверждает, что спасти словесное искусство в условиях современного стремления к ремесленной «креативности» и нон-фикшену (в противовес подлинному эстетическому творчеству) можно только в случае понимания двуприродного единства аксиологически равнозначных систем в составе одного произведения.

Объектом исследований современных направлений эстетики как философской дисциплины являются различные области человеческой культуры. Насколько широк охват различных областей эстетического познания, можно судить исходя из многообразия направлений, разрабатываемых кафедрой эстетики философского факультета МГУ. В целом можно выделить три сферы: богословская эстетика, эстетика художественного творчества и эстетика реальной повседневности и массовой культуры.

¹ Тюпа В.И. Два крыла художественного письма // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 1. С. 1045; Тюпа В. И. Литература и тайна творчества // Вопросы литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/2024/06/06/literatura-i-tajna-tvorchestva/> (дата доступа: 20.01.2026).

Эстетика шедевров искусства находится как бы меж двух полюсов: духовного и материального. Нарушение баланса, «точки равновесия», в понимании эстетики шедевров искусства грозит угнетением ее со стороны богословия или со стороны массовой культуры.

М. С. Каган в своих исследованиях по эстетике значительное место уделит размышлениям и дифференциации эстетики как общей философской дисциплины от эстетики художественных творческих актов – шедевров искусства. Он отделил понятие эстетического и художественного. «Неправомерность отождествления художественной ценности с эстетической имеет строгое и точное теоретическое объяснение <...> эстетическая ценность <...> свойство материальной и чувственно воспринимаемой структуры, которая может быть формой природного предмета, например, растения или <...> машины <...> или математической формулы <...> или произведения искусства, (так как последнее – Э.З.) обладает материальным обликом, художественность вырастает из особого духовного содержания искусства, которое лишь выражается через его материальную форму <...> Художественная ценность никак не может быть сведена к эстетической <...> первая включает в себя вторую в противоречивом единстве с другими аспектами ценности этого произведения»².

Настоящее исследование касается эстетики словесного творчества, того духовного художественного ядра, которое, воплощаясь материально через чувственно воспринимаемую форму, являет собой эстетический объект художественного творчества в его неслиянном и нераздельном единстве содержания и формы.

Со сменой художественных парадигм (романтизм, реализм, модернизм, метареализм и т.д.) меняется форма, но содержание (жизнь) эстетической деятельности как область сотворенного человеком эйдетического мира сохраняет свое автономное место в единстве человеческой культуры. (М. С. Каган называет эту систему эстетической деятельности *единым организмом*³, С. Г. Бочаров *кровеносной системой* генетической памяти литературы⁴). Оно отделено от богословия с одной стороны, но имеет существенное отличие от риторических форм человеческой деятельности (реклама, художественная беллетристика) – с другой⁵. Специфика сотворенности воображенного, воплощенного в слово «гетерокосмоса»⁶ (А. Г. Баумгартен), определяется кантовским термином «гениальность»

² Каган М. С. Эстетика как философская наука: учебное пособие для вузов : часть 1. М.: Юрайт, 2024. С. 190.

³ Там же. С. 265.

⁴ См.: Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.

⁵ Подробнее об этом см: Тюпа В. И. Литература и тайна творчества // Вопросы литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/2024/06/06/literatura-i-tajna-tvorchestva/> (дата доступа: 20.01.2026).

⁶ См.: Баумгартен А. Г. Эстетика. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 760 с.

(способность, «которой нельзя научиться»⁷). С одной стороны, мир словесного шедевра сотворяется сакральным способом, с другой – создан из риторического языкового материала. Этот диалектический феномен сосуществования сакральной (богословской) и материальной (риторической, человеческой) природы эстетического объекта словесного шедевра и вместе с этим принципиальная неслиянность как с областью богословия, так и с областью массового риторического искусства будет рассмотрен нами в диссертации.

Открытая Баумгартеном (и разработанная последующими немецкими классическими философами) сакральная природа художественного творчества спустя век, в начале XX столетия, в области религиозной философии породила необходимость методологического подхода к такого рода сотворенным произведениям искусства.

Начало XX века было ознаменовано интересом к богословию и эстетике. Принципы богословия применялись к эстетическому объекту, по причине его пусть и воображенной, но сотворенности. Платонические термины античной философии, одухотворенные историческим богословием, проясняли сотворенную сущность эйдетического платонического в своей онтологии художественного мира.

Настроенная на духовное преобразование общества русская интеллигенция начала XX века пыталась применить халкидонский догмат во всех сферах жизни. Не было исключением, на наш взгляд, и М. М. Бахтин (со своим невельским кругом единомышленников⁸). Принципы халкидонского и постхалкидонского богословия положены в основу его ранних трудов по эстетике словесного творчества. Закон взаимодействия формы и содержания в словесном творчестве назван им богословской формулой халкидонского ороса о «неслиянности и нераздельности» формы и содержания в произведении и является итогом его размышлений в статье «К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» (далее – ПФСМ). В трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» (далее – АГ) закон взаимодействия двух неслиянных сознаний и принцип свободного «перехода одной точки зрения в другую⁹» (Бахтин – АГ) в произведении отсылает к постхалкидонскому богословию и учению преп. Максима Исповедника.

М. М. Бахтин как философ «ответственности» и «поступка» был ответственным в выборе терминов для своей эстетической философии. Н. Д. Тмарченко, отвечая на критику «метафоричности», вместо научности,

⁷ «Гений – это талант изобретения того, чему нельзя... научиться». *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. Н. М. Соколова. СПб.: Наука, 1999. С. 46.

⁸ О том, что в невельский период М. М. Бахтин вместе с Л. В. Пумпянским и М. В. Юдиной активно изучали догматическое богословие см. примечание 81 в *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 875.

⁹ *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 81.

высказанную в адрес М.М. Бахтина по поводу работы о Ф.М. Достоевском, пишет: «все известные нам случаи употребления Бахтиным термина «полифония» неукоснительно сохраняют определяющие признаки обозначенного этим словом весьма точного и строгого музыковедческого понятия»¹⁰. Опираясь на данный пример, можно предположить, что термины и понятия, взятые из области богословия с целью прояснения специфики сотворенности воображенного мира литературного шедевра употреблены им в строгом и точном богословском значении. Чем сильнее углубление в чистое богословие ответственно употребленных Бахтиным терминов и понятий, тем четче проясняется сущность платонического мира словесного творчества.

Двуприродность произведения, легшая в основу ПФСМ и АГ, инкарнируется вступающим в художественную форму читателем. Процесс чтения приобщает его к диалогическим отношениям с автором через героя. С основой на тринитарное богословие мы рассматриваем эстетическую деятельность трех лиц творческого единства в пространстве произведения, занимающих свою креативную, референтную, рецептивную (В. И. Тюпа) позицию. Логически вытекающая из наших герменевтических усилий по интерпретации раннего наследия М. М. Бахтина концепция триединства единоприродных, но личностно различных автора, героя, читателя является нашей собственной теорией, основанием которой можно считать также концепцию словесного творчества В. И. Тюпы об эстетической, семиотической, коммуникативной природе художественного письма¹¹.

Таким образом, **объектом** исследования является эстетическое своеобразие художественного письма.

Предметом – архитектурное ядро эстетической целостности произведений искусства.

Научная **новизна** работы заключается, прежде всего, в раскрытии богословских истоков бахтинской эстетики словесного творчества без утраты внимания к эстетической специфике художественного письма.

Теоретическая значимость исследования состоит в полиаспектной экспликации до сих пор недостаточно проясненной категории архитектоники и ее места в науке о литературе.

Практическая значимость обеспечивается разработкой и применением алгоритма эстетического анализа литературных произведений, реализуемого на разнообразном материале.

Главной **целью** диссертации является определение сущности эстетического объекта литературного произведения, а именно специфики его внутреннего строения, именуемого архитектурикой, и механизмов его актуализации в процессе эстетической деятельности.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

¹⁰ Тамарченко Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. С. 12.

¹¹ Тюпа В.И. Теория литературы. Учебник. М.: РГГУ, 2024. 254 с.

- рассмотреть категорию эстетического объекта в контексте философии искусства XIX-XX веков (Ф. В. Шеллинг, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Р. Ингарден, М. М. Бахтин, Г. Коген, М. Хайдеггер, М. С. Каган, А. И. Буров и др.);
- выявить необходимость концентрации внимания на природе эстетического объекта в концепции эстетики словесного творчества М.М. Бахтина;
- рассмотреть категорию архитектоники эстетического объекта с разных существующих точек зрения;
- выявить область схождения и обозначить принципиальные отличия одной концепции от другой;
- заострить внимание на диффузности значения данного термина в современных филологических исследованиях, порождающих необходимость в капитальном теоретическом осмыслении архитектоники как главной категории эстетики словесного творчества;
- объяснить уникальность архитектоники эстетического объекта в философской системе М. М. Бахтина как главного «ядерного» понятия его нравственной и эстетической философии;
- обосновать необходимость включения так называемой рациональной (естественной) теологии в качестве теоретической базы философии художественного творчества, понимаемого как инкарнация смысла;
- проследить взаимодействие философии, теологии и эстетики на протяжении истории от античности до наших дней и определить зону их возможного контакта и зону категорического разногласия;
- проанализировать ранние труды М. М. Бахтина АГ, ПФСМ и прояснить богословский субстрат его философской эстетики;
- объяснить механизм неслиянности и нераздельности формы и содержания в единстве произведения с основой на историческое халкидонское и постхалкидонское богословие как основной принцип инкарнации героя;
- предложить алгоритм эстетического анализа произведений художественного творчества;
- показать внутреннюю архитектурную целостность избранных для разбора произведений и продемонстрировать акт «во-человечивания» (инкарнации) героя в акте эстетического завершения.

Первая глава диссертации посвящена истории вопроса: понятиям сущности эстетического объекта и его внутренней структуры, именуемой «архитектоника» в контексте философии (словесного в первую очередь) искусства.

Вторая глава открывается анализом раннего наследия М. М. Бахтина, и завершается построением на основе проясненного смысла собственной концепции эстетической деятельности, в центре которой лежит архитектоника эстетического объекта.

Третья глава представляет собой верификацию данной концепции посредством анализа словесных произведений искусства, относящихся к

разным эпохам в литературном процессе в периоде эстетического креативизма/метакреативизма (В. И. Тюпа).

Материалом исследования являются роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», повесть И.С. Тургенева «Вешние воды», рассказ А.П. Чехова «Невеста» и роман О. Стрижака «Мальчик».

Обоснование выбора данного иллюстративного материала:

Тектонический сдвиг художественной парадигмы, связанный с открытием эстетики (А. Баумгартен) как науки о художественных творческих мирах, выделивший произведения искусства в отдельную отрасль человеческой культуры, дал начало новой эре, которую В. И. Тюпа определил термином «эстетический креативизм». С этой исторической точки литературные произведения рождались новым способом, отличным от античного, средневекового, классицистического. Произведения этих периодов Белинский называл *риторическими* произведениями, в отличие от качественно другого литературного творчества эпохи романтизма, названного им платоническим термином *художественного мира*. Именно этот период после открытия эстетики А. Баумгартена нас интересует. Так как феномен сотворенности сопрягает сакральную и материальную природу произведения.

Архитектоника – это внутренний духовный мир произведения вокруг героя как ценностного центра, проявленный через форму, через материал. Произведения постклассического периода эстетического креативизма этот целостный внутренний мир более наглядно являют и более удобны для демонстрации нашего теоретического построения. Мы взяли четыре произведения разных жанров и, главное, разных исторических этапов литературного процесса: начало XIX века – роман М.Ю. Лермонтова, вторая половина XIX века – повесть И.С. Тургенева, рубеж XIX-XX века – рассказ А.П. Чехова, вторая половина XX века – роман О. Стрижака. В каждом произведении для нас решались определенные задачи, которые помогали сформулировать сущность и объем понятия архитектоники эстетического объекта.

Это не значит, что в произведениях риторического периода (до баумгартеновского открытия) эстетического художественного творчества не существовало. «Дух дышит, где хочет», творцы существовали и до того, как Кант открыл феномен гениальности. Дополнить список анализов произведений этого периода вполне возможно, но там пришлось бы решать сопутствующие проблемы, связанные со спецификой данного эволюционного периода развития литературы, а это уведет нас в сторону от решения насущных проблем, связанных с определением сущности и строения эстетического объекта литературного творчества. В первую очередь необходимо доказать, что те принципы эстетического анализа, в центре которого лежит процесс инкарнации героя в следствии чего в акте завершения проясняется архитектоника произведения, приложимы к разным произведениям словесного искусства на разных этапах литературного

процесса. Нами предложен механизм, проверенный на материале произведений отечественной литературы.

Теоретико-методологические основания работы. Главной методологической опорой исследования является «бахтинская» школа литературоведения кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ (С. Н. Бройтман, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, и др.). Также нами активно используется «Философия искусства» Ф. В. Шеллинга, филологические концепции А. П. Скафтымова, В. В. Виноградова, Б. О. Кормана, А. А. Потепни, Н. И. Жинкина. Поскольку диссертационное исследование осуществляет попытку «привить» эстетику словесного творчества и рациональное богословие, мы использовали методологическую базу так называемой «парижской школы богословия» (В.Н. Лосский, прот. Борис (Бобринский), прот. Георгий (Флоровский), арх. Киприан (Керн), прот. Иоанн (Мейендорф), прот. Александр (Шмеман)). Существенное методологическое значение на исследование оказали богословские концепции П.Т. де Шардена, Г.У. фон Бальтазара, концепция рациональной теологии Д.В. Шмони́на, труды современных богословов ПСТГУ (Н. Н. Павлюченков, Н. А. Ваганова, К. М. Антонов, П. Ю. Малков, А. Л. Дворкин, М. А. Красовицкая и др.).

Степень научной разработанности вопроса. Проблема архитектоники художественного целого в качестве категории поэтики была поставлена и эксплицирована М. М. Бахтиным. Научное наследие М.М. Бахтина изучено многократно и многоаспектно. Однако собственно категория архитектоники исследована недостаточно. Принципиальное внимание ей уделяется, по сути дела, только одной научной школой теоретиков РГГУ, предпринимавших попытки составления «Бахтинского тезауруса»¹². Понятию *архитектоника* в нравственной философии М. М. Бахтина посвящена работа К. Кларк и М. Холквист «Архитектоника ответственности»¹³. Поскольку данное понятие перекочевало из «Философии поступка» (далее – ФП) в «Автор и герой в эстетической деятельности» (далее – АГ), то своеобразное преломление его в эстетике словесного творчества М. М. Бахтина рассматривается в нашем исследовании. Процесс воплощения невидимого в видимое – главный фокус настоящей диссертации – активно разрабатывается в герменевтических исследованиях Л. Ю. Фуксона¹⁴ и Ю. В. Подковырина. В монографии Ю. В. Подковырина «Инкарнация смысла литературного произведения»¹⁵ акцентируется внимание на двусоставности произведения словесного

¹² См.: Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования / Под ред. Н. Д. Тamarченко, С. Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. 183 с.

Бахтинский тезаурус. Выпуск 2 // Дискурс, № 11. М.: РГГУ, 2003. 124 с.

¹³ Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности. М.: Философские науки, 1995. С. 9–35.

¹⁴ См.: Фуксон Л. Ю. История герменевтики. М.: Перо, 2023. 228 с.

¹⁵ Подковырин Ю. В. Инкарнация смысла в литературном произведении. М.: Эдитус, 2022. 202 с.

искусства, разделяющего две точки зрения в произведении: позиции изнутри жизни героя и позиции извне взглядом на эту жизнь автора и читателя.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Философская эстетика включает в себя изучение разных объектов, от религиозных (эстетика иконы) до массово-потребительских (эстетика рекламы, эстетика моды, эстетика среды). Данный плюралистический охват размывает понятие эстетического объекта и вынуждает искать критерии их разграничения.
2. Эстетика художественного творчества находится между богословием и риторикой, так как связана с духовно-нравственным содержанием, проявляемым через совершенную форму.
3. Эстетический объект словесного творчества – это оформленное содержание, в котором две природы соединяются по принципу закона неслиянности и нераздельности, заимствованного философами Серебряного века из догматического богословия.
4. Внутренняя структура, которая проясняется через внешнюю (языковую) форму – архитектоника эстетического объекта. Внутренняя и внешняя структуры произведения неслиянно и нераздельно соединяют архитектонику и композицию в единстве художественной формы.
5. Специфика понятия архитектоники в нравственной и эстетической философии М.М. Бахтина состоит в осмыслении персоналистического ядра как архитектонической основы эстетического объекта. Для Бахтина архитектоника произведений искусства является моделью человеческой личности в максимально возможной перспективе своего индивидуально-личностного раскрытия. Она проявляется во вненаходимом взгляде на другого как реального человека в мире, так и виртуального человека в художественном произведении.
6. Процесс инкарнации содержания в форму в литературном произведении, актуализирующий эстетический объект во всем объеме его внутренней структуры – архитектоники, осуществляется в процессе восприятия. Двуприродность и двувластность эстетического объекта инкарнируется актом диалогического отношения троих вступающих в художественную форму лиц эстетической деятельности: автора, героя и читателя.
7. Инкарнация возможна в том случае, если все три лица эстетической деятельности равнодостоинны друг другу. Они соединяются своей единой человеческой природой, будучи единосущны в своей человечности, но различны в лицах. Интерсубъективное единство в акте эстетического завершения соединяет трех лиц эстетической деятельности «по принципу Троицы» (В. Н. Лосский).
8. Единством троичной энергии (содержания, как сущностной основы эстетического объекта) оживает текстовый риторический (языковой) материал. Пребывая во вненаходимости, автор и единосущный ему читатель, проникают в произведение своей жизненной энергией

содержания и освещают форму, превращая литературный текст в шедевр словесного творчества, сущностно оставаясь при этом в позиции вненаходимости.

9. Возможность диалогического единства автора и читателя в области художественной формы осуществляется через героя, который как формосодержательное единство двуприроден (двувластен).
10. В акте эстетического завершения архитектоника героя проясняется в ее полноте. Степень прояснения зависит от читательской способности к вочеловечиванию героя до конца, благодаря чему произведение превращается в поистине художественное, входит в ментальный опыт человечества – «в тело» (Г.Д. Гачев) «всемирной литературы» (И. В. Гете).
11. Эстетический анализ литературного произведения заключается в последовательном прояснении живого человеческого содержания через стадии, по терминологии Бахтина, потенциальности, воплощенности и рожденности в новом плане бытия.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в ряде научных публикаций, а также обсуждались на конференциях и круглых столах:

1. IV Международный научный семинар «М.М. Бахтин: биография идей в контексте рецепции» (Саранск, 2023 апреля 2024). Тема доклада: Богословские корни философской эстетики М. М. Бахтина.
2. XVI Международная научно-богословская конференция «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки». Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2024). Тема доклада: «Две власти» в произведении: трактат М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности и постхалкидонское богословие». Секция: религиозная философия.
3. V Всероссийская научно-богословская конференция кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа» (Сергиев Посад, 11-12 декабря 2024 года). Тема доклада: Единство карнавального и богословского начал в «Вешних водах» И. С. Тургенева в свете методологии М. М. Бахтина.
4. Научный семинар «Проблемы с поэтикой» (Москва, РГГУ, 21 декабря 2024 года). Тема доклада: Неслиянность и нераздельность формы и содержания: догмат воплощения в статье М. М. Бахтина «Проблемы содержания, материала и формы».
5. Научный семинар «Проблемы с поэтикой» (РГГУ, февраль 2023). Тема доклада: Художественная циклизация в эпической прозе.
6. Магистрантско-аспирантский круглый стол «Интермедиальность, интертекстуальность, интересубъективность» (16 ноября, 2024). Тема доклада: Три лица эстетической деятельности и тайна творчества.

7. Круглый стол «Бахтин без маски»: политика и эстетика в теоретическом наследии М. М. Бахтина (18 апреля, 2025, РГГУ). Тема доклада: Проблема творческой энергии в эстетике М. М. Бахтина.
8. Всероссийская конференция «Наследие А. А. Ухтомского и современность», (Ярославль, 25-27 сентября, 2025, ЯрГУ им. Демидова. Тема доклада: Хронотоп в рассказе А. П. Чехова «Княгиня»: А. А. Ухтомский и М. М. Бахтин.
9. Международная филологическая конференция «Поэтика текста 14. Памяти Е. В. Клюева (1954-2025)» (Тверь, 23-25 января, 2026, ТвГУ). Тема доклада: Архитектоника эстетического объекта в литературном произведении

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматривается современное состояние эстетики словесного творчества, делается общий набросок диахронического рассмотрения категории эстетического объекта от открытия эстетики как области философии А. Баумгартеном до попыток обрести методологический подход к произведениям словесного искусства в эпоху Серебряного века. Дается беглое обоснование преимущества бахтинского эстетического подхода к литературным произведениям искусства. Ставятся цель и задачи исследования, обосновывается актуальность и новизна, а также объясняется выбор иллюстративного материала для демонстрации разработанной теоретической концепции к эстетическому анализу литературного произведения.

Первая глава посвящена истории вопроса и разделена на три сегмента: категория эстетического объекта, категория архитектоники эстетического объекта и соотношение философии, богословия и литературоведения (эстетики словесного творчества) от античности до нашего времени.

В первом параграфе первой главы «Эстетическая сущность искусства. Понятие эстетического объекта» говорится о том, что содержание произведения, реализованное в конкретной форме так, что соединением не нарушается ни абсолютность содержания, ни абсолютность формы, а каждая природа соединяется в совершенство и есть красота произведения или эстетический объект.

Эстетический объект – есть оформленное содержание, раскрываемое в процессе эстетической деятельности. Сам эстетический объект статичен, но динамически реализуется в процессе внимательного чтения.

Раскрытие сущности эстетического объекта – это цель эстетической деятельности. Хайдеггер в «Истоке художественного творения» (далее – ИХТ) называет эту сущность «вещностью всякой вещи»¹⁶.

Принцип двуприродности эстетического объекта, открытый немецкими классическими философами (И. Кант – вещь в себе, Ф. В. Шеллинг – идеальное в реальном, В. Ф. Г. Гегель – чувственная видимость духа, идеи) углубляется применением догмата о неслиянном и нераздельном соединении духовной и материальной природ Христа по отношению к сущности эстетического объекта в XX веке философами-эстетиками Серебряного века (символистами).

Оформленность содержания становится эстетическим объектом, внутри которого, как в своей сущности, оказывается познавательно-этическая основа, исходящая от автора. Однако факт изолированности отсоединяет это оформленное содержание от себя, превращая его в объект эстетического любования – красоту нового сотворенного художественного мира – *особенное*

¹⁶ Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 78.

в идеальном (абсолютное в реальном) (Ф. В. Шеллинг «Философия искусства», далее – ФИ).

Получается, что эстетический объект как воплощение абсолютного образа (идеи) имеет своим истоком внутреннее содержание художника (его познавательно-этический волевой импульс). Художник оформляет его в *особенную* (Шеллинг) форму, превращая это «новое нечто» в объект эстетического любования – художественное произведение.

Трансцендентность художника (оставаясь трансцендентной) имманентно изливается духовным содержанием – энергией (поступок творчества как этическое) в форму художественного бытия, изолируется, превращаясь в эстетический объект.

Аристотель размышлял о начале движения, о том, что приводит в движение мир платоновских эйдосов¹⁷, тем самым отделяя исток движения и сам вещный мир. Вещность художественного мира так же имеет истоком движения нечто, что находится за его пределами, в области венаходимости (термин Бахтина). Исходящее из художника (автора) духовное содержание проникает в каждый атом формы художественного бытия, превращая его в оформленное содержание, которое и есть эстетический объект.

Исток творения в авторе, но сам он не в творении. В творении только его идейное, духовное содержание, его энергия творческого поступка, в которой материя сотворенного бытия имеет жизнь – оживает, сияет.

Существенное место в наших размышлениях занимает концепция света (жизни) Ф. В. Шеллинга, М. Хайдеггера, Г. У. Бальтазара, М. М. Бахтина, А. И. Бурова.

Свет, исходящий от автора – это его жизненная живая энергия. Эта энергия изливается «сквозь щели» (Хайдеггер – ИХТ) сотворенной материи и оживляет ее, становясь оформленным содержанием – эстетическим объектом.

Художник слова сотворяет и оформляет этико-волевое содержание, которое актом изоляционного завершения отделяет воображенное художественное бытие в отдельную вселенную со своей собственной системой ценностей и своей собственной референцией, отсылающей не к реальному миру, а к миру своих воображенных автономных эйдосов.

Оформленный эйдос как произнесенное в произведении Слово, актуализируется в результате коммуникативного взаимодействия через него с автором.

Согласившись с Хайдеггером в том, что художественное слово за свою двуприродную сущность можно назвать «вещной вещьностью», предложили более на наш взгляд приемлемое для обозначения сущности эстетического объекта определение, «вещество человечности» (О. А. Седакова), акцентируя тем самым персоналистическую основу формосодержательного художественного слова.

¹⁷ Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. А. Кубицкого. СПб.: Азбука–Аттикус, 2020. 416 с.

Человекоцентричность эстетического объекта характерна и для эстетики М. М. Бахтина. Герой для него – центр художественного видения и формосодержательное двуприродное единство. Через него инкарнируется сущность эстетического объекта.

Итак, эстетический объект словесного творчества – это воплощенное в слово духовное содержание, идеальное художественно-образное бытие, централизованное вокруг героя и созерцаемое с вневременной позиции. Эстетический объект статичен и неподвижен, как истина, которая просвечивается по мере движения трех человеческих энергий (содержаний) автора/героя/читателя друг к другу в художественной форме. Единство трех содержаний в пространстве художественной формы рождает единство понимания произведения искусства, вследствие чего эстетический объект актуализируется как нечто всеми сходно ощущаемое. Невидимое становится пережитым целым человеческой жизни во всей ее возможной реализованной полноте.

Через внешнюю форму читатель в процессе чтения приобщается *внутренней форме* (Потебня¹⁸) – форме содержания. Этим осуществляется во-человечивание героя живым содержанием, потому что герой также заполняется живым содержанием читателя, который переживая оформленную жизнь героя, инкарнирует его в сотворенное художественное бытие, приобщая эстетический объект через живое содержание к вечности («незавершенному настоящему»¹⁹) человеческой истории.

Второй параграф первой главы посвящен понятию *архитектоника* как внутреннее строение эстетического объекта.

Одним из первых философов-эстетиков данный термин использовал И. Кант в своей «Критике чистого разума». Для него *архитектоника* – это способность разума к построению научного знания как мыслительной системы, сердцевинной которой выступает *идея* в своей сущностной чистоте (простоте).

Архитектоническое единство имеет своим основанием центр – *идею*, вокруг которой складывается неслучайное взаимодействие всех частей целого, реализуемого в видимой *схеме*. Эта *идея* – есть семя сущностной основы человеческого мышления – чистого разума (чистой идеи) – тот «квант мысли» (Н. И. Жинкин), который в лингвистических исследованиях XX века называют внутренней формой (А. А. Потебня), внутренней речью, предметно-образным содержанием (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин).

Архитектоника, осуществляемая в *схеме*, в статье ПФСМ М.М. Бахтина сходным образом соединяет понятие *архитектоники*, осуществляемой в *композиции* в рамках эстетики словесного творчества. Следуя Кантианскому определению, Бахтин пишет, что «Архитектоника – это воззрительно необходимое и неслучайное взаимодействие конкретных и единственных

¹⁸ Потебня А. А. Теоретическая поэтика : учебное пособие. М.: Академия, 2003. 384с.

¹⁹ Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 509.

частей произведения»²⁰, а композиция – «это структура произведения, понятая телеологически как осуществляющая эстетический объект»²¹. Таким образом, внутренняя структура эстетического объекта реализуется во внешней схеме-композиции.

Возможность увидеть архитектонику через композицию связана с процессом «инкарнации темы через героя». Нужно найти в произведении глубинное человеческое содержание – квант человеческой мысли – идею человека – и пройти с ним его жизненный путь до завершения. Акт завершения раскроет архитектонику произведения во всей ее максимально возможной полноте.

Архитектоника проявляется в процессе мыслительного конструирования целого произведения вокруг переживаемой жизни героя как своей собственной. Активация своего внутреннего содержания (кванта мысли, внутренней речи) возможна благодаря тому, что содержание неслиянно/нераздельно связано с художественной формой, благодаря которой вочеловечивается герой, раскрывая свою содержательную основу.

Далее подробно анализируется понятие из шеллинговской философии искусства – *конструирование* эстетического объекта как «образца созерцания универсума». Дается обоснование, что понятие архитектуры в «лекциях по эстетике» Р. Ингардена, спустя век, имеет близкое значение. Схожее значение в понимании эстетического объекта как внутренней *конструкции* художественного мира представлено в эстетической теории прот. Павла Флоренского. Используя глубокий сопоставительный анализ *конструкции* прот. Павла Флоренского и *архитектоники* Бахтина, осуществленный Н. Д. Тмарченко в его «Эстетике словесного творчества Бахтина и философско-филологической традиции», мы переходим к описанию уникального «не имеющего аналога ни в русской, ни в немецкой, ни в какой бы то ни было другой философии XX века»²² понимания *архитектоники* в философии М. М. Бахтина.

Уникальность архитектуры М. М. Бахтина в первую очередь состоит в *персоналистичности* этого понятия как *архитектоники личности* в полноте своей возможной личностной реализации, проявляемой в акте оцельнения ее с внешне находимой позиции. Архитектоника – основное ядерное понятие как его нравственной философии (Бахтин «Философия поступка»²³, далее – ФП), так и эстетической (АГ, «Проблема поэтики Достоевского»²⁴ (далее – ППД)).

²⁰ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 70.

²¹ Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / Собрание сочинений в 7-ми томах, Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 275.

²² Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.1. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 506.

²³ Бахтин М. М. Искусство и ответственность. К философии поступка / Собрание сочинений в 7-ми томах, Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 5–68.

²⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017. 640 с.

Ядро архитектоники – это общечеловеческое содержание («вещество человечности» О. А. Седакова), а сама архитектоника формируется уникальным и единственным образом. В мире поступка (ФП) нет похожих людей, все неслиянные личности, занимающие свое место в бытии, с которого реализовывают свои потенциально заложенные личностные возможности. В художественном бытии то же самое происходит, но с воображенной личностью героя, который воплощаясь в событие художественного бытия, живет, проясняя свою архитектонику во вненаходимом взгляде читателя.

Значительное место уделяется объяснению статичности проясняющейся архитектоники. Архитектоника – неподвижная модель, но динамически проясняющаяся в процессе восприятия человека (реального в ФП, или воображенного в АГ).

По слову Бахтина при воплощении личность «становится яснее и яснее»²⁵ – проясняется. Свет неизменен, но его энергийный поток может становиться ярче. Если идея, жизненное содержание, вещество человечности – есть квант мысли и света, то сиять личность начинает в момент своего ответственного воплощения в событие бытия, либо в реальном мире, либо в виртуальном. В художественном произведении этот момент в АГ Бахтин называет «во-вечелечиванием героя <...> Чтобы не потерять принцип инкарнации темы через героя эстетический анализ должен начинаться с героя».

В АГ Бахтин называет героя тремя разными терминами: *потенциальный* (невоплощенный)/*воплощенный*/*рожденный в новом плане бытия*. Мы понимаем это как стадии прояснения (становления), задуманной о нем автором его архитектоники – модели личности в полноте и целостности ее реализации.

Для того, чтобы увидеть архитектонику личности человека, необходимо через внешнюю его оболочку увидеть душу (вещество человечности в человеке). Для того чтобы увидеть архитектонику воображенного героя, необходимо добраться до его сути, до истока художественного видения – до того идейно-образного ядра, которое вложил в него автор-творец произведения.

Говоря о вочеловечении героя как главном фокусе эстетического анализа, Бахтин имеет в виду наполнение его формы жизненным содержанием.

Главное в эстетическом подходе к произведению – это вочеловечивание героя. В богословии вочеловечивание Бога предполагает вхождение божественного в человеческое (Бог становится человеком), в эстетике же «во-вечелечивание героя» предполагает вхождение человеческого «в букву текста» (человеческое оживляет языковой материал). Но процесс инкарнации и процесс перехода жизни героя «в руки» автора в завершении имеет

²⁵ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 199.

богословский механизм актуализации, который разъясняется анализом трактата М. М. Бахтина АГ во втором параграфе второй главы данного исследования.

В третьем параграфе первой главы прослеживается взаимодействие платонизма и христианства на протяжении истории. Обращается внимание на то, что термины и понятия античности переосмыслились для нужд христианского апологетизма. При такой адаптации случались перекосы в сторону платонизма (Ориген, Эриугена и др.), в результате следовало соборное осуждение платонических богословских учений. Когда была открыта эстетика Баумгартеном как наука о сотворенных художественных (а значит платонических) мирах, то платонизм и богословие вновь встречаются в области воображенного мира искусства. Этот мир сотворяется сакральным способом, но существует виртуально и является плодом человеческой деятельности – исходит от человека и направлен на другого человека. В работе содержится попытка проследить связь теологии античности (Аристотель, Платон) с теологией христианства и объяснить как через эстетику художественного творчества взаимодействуют эти области в таком современном направлении филологии, как герменевтика.

Сама суть эстетического объекта – философская платоническая, а методы его актуализации кроются в сакральной природе человека, способного вступать в эстетические троичные отношения автора/героя/читателя.

Мы опираемся на концепцию Д.В. Шмюгина о рациональной теологии как области периферийного богословия, в которой встречаются философия и филология как основа гуманитарного теоретического познания.

Итак, природа эстетического объекта – область философии, а механизмы его актуализации – область рационального богословия. Реализованность на языковом материале вводит в область эстетики филологию как равноправную участницу в изучении сущности эстетического объекта словесного шедевра литературы.

Вторая глава представляет собой развертывание теоретической концепции эстетической деятельности, в основании которой положен халкидонский закон инкарнации (две природы в одной ипостаси соединены неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно). Углубление халкидонского закона о взаимодействии двух природ (формы и содержания) произведения порождает необходимость постхалкидонского уточнения: две природы имеют две власти (две свои воли). После того как мы объясняем онтологию двуприродности и двувластности возникает вопрос: каким образом эстетический объект как формосодержание проявляется. Для этого мы обращаемся к тринитарному (экклезиологическому) богословию, в котором соединение личностей в единство осуществляется через двуприродного Богочеловека. В Нем личности соединяются подобно тому, как в герое (формосодержательной личности) соединяются автор и читатель. Три личности эстетической деятельности неслиянны (внезаходимы друг другу). Соединение троих в интересубъективное единство «причащением»

двуприродной форме (через героя) произведения проявляет архитектуру эстетического объекта (*причастная венаходимость* (термин Бахтина)). Посредством «причащения» художественной форме происходит приобщение к внутреннему содержанию. Три лица эстетической деятельности соединяются общей человечностью (единой общей природой) – содержанием, квантом мысли, внутренними речами, а в итоге – энергией любви. *Любящий* автор от избытка любви сотворяет художественную вселенную, воплощает в ней *любимого* героя, читатель, полюбив героя, встречается с автором в диалоге трех внутренних содержаний (внутренней речи).

Заключительным звеном теоретического построения является анализ концепции эстетической любви (Г. Когена, М. М. Бахтина) и творческой энергии в контексте паламитского богословия, восходящего к философским поискам Аристотеля об истоке движения, выходящем за рамки видимого мира вещей («Метафизика»). Любовь – это энергия, исходящая от автора и через двуприродного героя передающаяся читателю. Она циркулирует вокруг эстетического объекта, пронизывая его, но не принадлежа ему. Как иноприродная, она выходит за пределы сотворенного художественного бытия к истоку художественного творения – автору.

Первый параграф второй главы посвящен анализу работы М. М. Бахтина ПФСМ.

В конце статьи ПФСМ ясно звучит халкидонский догмат христианской веры о воплощении, применяемый М.М. Бахтиным для правильного понимания соединения формы и содержания в единстве эстетического объекта. М. М. Бахтин говорит о законе взаимодействия двух природ, формы и содержания (формы как формы содержания и содержания как содержания формы), в единстве эстетического объекта, соединенных между собой неслиянно/нераздельно²⁶.

Если посмотреть на композиционную структуру статьи ПФСМ со стороны просвечивающего сквозь нее богословского содержания, то можно обнаружить основные этапы исторического (диахронического) богословия.

На пути к халкидонскому догмату, сквозь тринитарные споры первых соборов, христианство преодолело две крайности в понимании сущности двух природ в воплощенном Боге Слове – крайность александрийской школы и крайность антиохийской школы. Александрийскую (аллегорическую) школу больше интересовала божественная природа в личности Христа, антиохийскую (конкретную) школу – человеческая природа. Различный акцент не был догматическим отклонением. Ересью стала крайность отрицания божественного или человеческого в личности Христа. Этими ересями стало несторианство (признававшее только человеческую природу) и монофизитство (признававшее только божественную природу). Халкидонский

²⁶ Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / Собрание сочинений в 7-ми томах, Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 324.

догмат соединил лучшие достижения александрийской школы и лучшие достижения антиохийской школы в единую формулу: две природы в одной ипостаси Бога воплощенного, соединенные между собой неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно.

Статья М. М. Бахтина ПФСМ подобным образом преодолевает две крайности в понимании произведения искусства. Он делит свою работу на отделы: проблема содержания, проблема материала, проблема формы. Форма произведения понимается в двунаправленном действии. С одной стороны, она прикреплена к материалу (слову как лингвистической категории), с другой – она оформляет содержание. Форма, прикрепленная к материалу, определяет интерес к внешней «формальной», материальной стороне произведения. «Материальная эстетика не способна обосновать художественную форму», поэтому такой подход никак не может претендовать на полноту понимания. Однако и одно содержание без формы не может быть «схвачено» анализом, так как содержание без формы, по словам Бахтина, «дурной прозаизм». Содержание как сгущенная действительность познавательного и этического действия автора без формы не может быть «схвачена», а значит, эстетизирована. В таком случае между материальной формой текста и его ценностным содержанием, между плотью текста и духом вырастает непреодолимая пропасть. Соединить в одно единство две природы (материальную и содержательную, риторическую и эстетическую) может только такая Форма, которая в полноте бы включала как гениально скомпонованный материал, так и внеположную тексту содержательную действительность автора. В абсолютной полноте такая Форма (Слово) владеет как формой материала, так и формой содержания, соединяя их вместе (продолжим словами халкидонского ороса), «так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества».

Догматически правильно понятый закон неслиянного и нераздельного соединения в единстве эстетического объекта обеспечивает возможность нашего участия в его жизни. Бахтин отмечает: «Через форму я вхожу как необходимый конститутивный момент ее»²⁷. Именно через такую архитектурную Форму, ту которая оформляет содержание, эстетический объект, «я как активный субъект», вхожу как «необходимое» звено эстетического свершения.

«Художественная творящая форма оформляет прежде всего человека, а мир – лишь как мир человека»²⁸.

Персонально понятое соединение формы и содержания еще больше роднит Форму (форму содержания) с богословским халкидонским догматом, потому что воплощает героя (двуприродную личность).

²⁷ Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / Собрание сочинений в 7-ми томах, Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 324.

²⁸ Там же.

Второй параграф второй главы посвящен анализу трактата «Автор и герой в эстетической деятельности» и является логическим продолжением предыдущего параграфа.

Эстетический акт (по М. М. Бахтину) состоит из нескольких этапов: преднахождения другого сознания, воплощения его как героя в событие бытия художественной вселенной, завершающего оформления, или «милующего оправдания» героя.

В начале «автор преднаходит героя данным независимо от его чисто художественного акта». Герой существует как некая «данность человека другого, она-то и преднаходится автором как художником» Эта еще не воплощенная «внеэстетическая реальность героя войдет затем оформленная в произведение», образуя новую «реальность героя – другого сознания». При нахождении «другого человека» творец формирует новое воображенное бытие, централизующееся вокруг героя. Этот «художественный акт встречает упорствующую (упругую, непроницаемую) реальность, с которой он (автор – Э.З.) не может не считаться и которую он не может растворить в себе сплошь²⁹». Происходит некое сопротивление реальностей, двух волевых напряжений: автора и героя, творца и творения.

Полностью вбирая в себя сознание воображенного другого-героя, автор не может с ним слиться, так как воплощенное бытие иной природы.

Однако «преднаходимый» герой до сотворения («в начале»), когда еще не было времени (художественного хронотопа), воплощаясь или приобретая форму, эту искру начального вневременья имеет с собой в сотворенном воображенном бытии. «Преднаходимая данность другого человека» приобретает художественную форму и «получает ценностный вес эстетическое завершение»³⁰. Если бы воплощенный герой не имел бы в себе природу «предбытия», не был бы «преднайден» вне своего воплощенного пространственного, временного целого, то эстетическое завершение было бы невозможно; если бы герой имел в себе только природу нового сотворенного бытия, он «не был бы живым»³¹. Чтобы осуществилось эстетическое завершение, он должен быть оформленным содержанием, то есть совмещать в себе две природы.

Бахтин говорит о «двух властях» произведения (власть формы и власть содержания, власть героя и власть автора). Герой имеет внутри себя две природы и соответственно две власти.

Воплощенный герой, имея внутри себя две природы и две ценностные напряженные «власти» (воли), в определенный решительный момент как бы говорит автору: «Но не как я хочу, а как ты». Свою волю свободно отдает воле своего творца-автора, который совершает оформляющий завершающий акт. Так происходит переход объектной части произведения в субъектную.

²⁹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 255.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Акт завершения – это «эстетическая пасха», включающая в себя смерть героя и воскрешение его в новом плане бытия: «Чем глубже и совершеннее воплощение, тем острее слышатся в нем завершение смерти и то же время эстетическая победа над смертью»³².

Смерть героя в акте завершения оборачивается победой над смертью и преобразованием всего сотворенного бытия в целом. Он смог умереть благодаря наличию в себе формальной природы сотворенного бытия. Но смерть не в силах «его удержать» благодаря жизни внутри него («внеэстетический жизненный материал», «природа содержания», по Бахтину).

Его первая природа, единосущная авторской, природа жизненного содержания, «преднайдённая до воплощения данность другого человека»³³, изнутри воскрешает вторую формально-материальную природу.

Герой до творения нового художественного бытия от начала был «преднаходим» автором, но, воплотившись, воспринял новую, отличную от автора природу, – формальную (семиотическую). Каждый момент произведения проникнут и содержательной (духовной) «властью», и формальной (плотской-языковой-знаковой) «властью». Для того, чтобы автор мог спасти, преобразить, завершить свое творение, он принимает всего героя, вобравшего в себя каждый атом сотворенной формальной стороны произведения. Но «эстетическое спасение» («завершение», «смысловое осуществление» – АГ) сотворенного художественного мира происходит благодаря содержательной природе героя, которая была у него до воплощения в этот сотворенный мир.

В третьем параграфе второй главы мы рассматриваем отношения трех лиц эстетической деятельности – автора, героя и читателя.

С опорой на христологические механизмы соединения двуприродности и двувольности (двувластности по Бахтину), разъясненные в предыдущих параграфах, мы объясняем принцип актуализации двуприродного (и двувластного) эстетического объекта как акта единой воли автора, героя и читателя в момент эстетического завершения. В этот момент три лица эстетической деятельности соединяются единством своего человеческого содержания, оставаясь при этом отдельными личностями. Единосущие одной природы трех лиц в одном творческом акте побудило нас обратиться к принципам тринитарного и экклезиологического богословия. Отчасти мы апеллировали к философии всеединства (от Ф. В. Шеллинга до прот. Павла Флоренского и Вл. Соловьева), но более всего к богословию Троицы, сформированной Парижской школой богословия (В. Н. Лосский, о. Борис Бобринский, о. Георгий Флоровский и др.).

Ориентация на лингвистические концепции внутренней формы (А. А. Потебня) и внутренней речи (Н. И. Жинкин) позволяет прийти к идее единой общечеловеческой сущности вступающих в коммуникацию личностей.

³² Там же. С. 200.

³³ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 255.

Процесс коммуникативного взаимодействия между автором и читателем в словесном творчестве совершается приобщением к миру героя, который является «ценностным центром архитектоники» (М. М. Бахтин) произведения.

Осваивая неслиянную и нераздельную в своей содержательности художественную форму, читатель инкарнирует смысл произведения. Вступающий в диалогические отношения читатель актуализирует акт творчества в его триединстве: сотворение, воплощение и воссоздание. Часть параграфа посвящена диахроническому рассмотрению постепенного проявления значимости каждого лица эстетической троицы в литературном процессе с ориентацией на подобное проявление равнодостоинства лиц Святой Троицы в истории человечества. Значительная часть исследования посвящена возведению изложенной концепции единосущия и нераздельности трех неслиянных лиц автора, героя, читателя к тринитарной литературоведческой концепции В. И. Тюпы о креативной, референтной, рецептивной эстетической деятельности, актуализирующей также три сферы комплексного понимания художественного произведения как единства эстетической, семиотической и коммуникативной сторон художественного письма.

Следование тринитарной логике диалогического взаимодействия троих лиц творческого единства помогло нам взглянуть на многие известные теоретико-литературоведческие концепции под углом теоретического *рационального богословия* (термин Д. В. Шмониной).

Мы обращаемся к филологическим концепциям теории автора, которые объясняются в тринитарном направлении.

Особого интереса на наш взгляд в этом ключе заслуживает концепция образа автора В. В. Виноградова, под которым понимается не субъект речи (Б. О. Корман), обозначенный в произведении, а вся («рече-стилистическая») совокупность голосов в произведении, являющаяся референтным образом того, кто находится в позиции креативной деятельности – автора-творца, что в известной степени близко тому, о чем говорил М. Фуко в трактате «Что такое автор», называя автора *функцией* и *именем*.

В эстетической троице энергия произведения, исходящая из креативной сущности автора, сообщается через героя читателю и соединяет всех трех лиц единой природой общечеловеческого содержания (живая жизнь). А.П. Скафтымов называет автора «имманентной любовной пронизанностью произведения», реализуемой благодаря общему «горению сердца»³⁴.

Имманентность автора (Скафтымов) как энергии произведения (Бахтин) – это волевой импульс, исходящий из креативной сущности автора, пребывающего в своей трансцендентности к сотворенному воображенному художественному миру. Наиболее полно этот диалектический принцип

³⁴ Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа Ф. М. Достоевского «Идиот»// Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках / Состав. Е. Покусаева; Вступ. статья Е. Покусаева и А. Жук М.: Художественная литература, 1972. С. 184.

имманентности и трансцендентности автора у Бахтина выражается термином «причастная вненаходимость».

Полагаем, что все разбираемые нами филологические эстетические концепции автора (вненаходимый, имманентный, энергия произведения, любовная пронизанность, образ автора) не потеряли своей связи с богословскими концепциями, которые в свою очередь не потеряли связь с Платонизмом и Аристотелизмом, потому что разделяют платонический мир художественного произведения и энергию движения, исходящую из области вненаходимости. Что еще раз свидетельствует о сакральности самого акта творчества, впрочем, все же сугубо человеческого действия.

В четвертом параграфе второй главы мы размышляем о творческой энергии в произведении, что является логическим следствием предыдущего параграфа.

М. М. Бахтин в АГ, следуя концепции эстетической любви Г. Когена, отношения автора и героя называет «отношением любящего к любимому». От избытка любви любящий автор сотворяет художественную вселенную, чтобы воплотить в ней «преднайденого» (Бахтин) до сотворения «единственного в своем роде» «любимого» героя. Это отношение Бахтин называет «принципиальным» и «существенным», так как в произведении может быть множество героев-персонажей, но центром художественного видения становится герой-человек (неслиянное и нераздельное формосодержательное единство). Сам принцип художественного видения, реализующий «творческое» (любное) отношение автора назван Бахтиным «вочеловечиванием» героя – «инкарнацией темы через героя».

Три лица эстетической деятельности соединяются своими «потенциалами» – чистыми ликами (жизненным содержанием) в акте эстетического завершения, подобно соборному единству неслиянных личностей, объединенных единой природой по принципу Троицы в эсхатологическом пределе: «Тайна Божества, различие единой природы и Божественных Лиц отображена в человечестве, призванном к участию в жизни Пресвятой Троицы»³⁵. Экклезиологизм в рамках эстетической троицы связан с идеей всеединства, восходящей к Ф.В. Шеллингу, пронесенной через философию русских любомудров, славянофилов и почвенников в философию соборности Серебряного века³⁶. Однако интересубъективное взаимодействие троих лиц эстетической деятельности осуществляется «монархическим» присутствием автора. Если бы не было автора, не было бы и эстетической деятельности. Поэтому в некотором смысле лучше обратиться к принципу соборности с возможной для научного дискурса приближенностью к чисто богословскому пониманию единства «по принципу Троицы».

³⁵ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев: Изд-во им. святого Льва, папы Римского, 2004. С. 469.

³⁶ См.: Павлюченков Н. Н. Богословие всеединства: от Ф.В.Й. Шеллинга к священнику П. А. Флоренскому. М: ПСТГУ, 2023. С. 13.

По отношению к сотворенному художественному бытию автор иноприроден «вненаходим», но одновременно он является «энергией произведения», то есть имманентно присутствует в сотворенном воображенном мире. Любовь как сущность остается в позиции вненаходимости, но изливается на сотворенный мир как энергия. Герой является проводником исходящей от вненаходимого автора эстетической любви как энергии, приобщаясь к которой читатель осуществляет эстетическую деятельность.

Эту диалектику трансцендентности и имманентности можно объяснить, опираясь на учение святителя Григория Паламы о божественной сущности и нетварной божественной энергии.

Григорий Палама отмечает, что: «энергия – из сущности, но сущность – не из энергии. И одна является причиной, а другая – обусловлена причиной. Одна существует сама по себе, а другая не существует сама по себе, ибо все энергии – окрест оной сверхсущности»³⁷.

Не было бы энергии (чистой любви, по Когену), если бы не было креативной сущности автора. Невидимый, облеченный в молчание, вненаходимый автор существует в произведении постольку, поскольку мы приобщаемся исходящей из него, но не тождественной ему энергии произведения, передающейся через рожденного и воплощенного в художественное бытие героя.

По мысли Бахтина: «автор есть не воплощенная, но воплощающая активность»³⁸ (ПФСМ). Действия этой воплощающей активности характеризуются терминами «рождать» и «исходить» (термины тринитарной концепции Григория Богослова), что отсылает к свойствам Отца по отношению к Сыну и Духу: Сын *рождается* от Отца, а Дух *исходит* от Отца (через Сына).

Автор рождает из своей вненаходимости: «Отношения вненаходимости автора всем моментам героя <...> рождает его – как нового человека в новом плане бытия, в котором сам он не может родиться, облакает его в новую плоть»³⁹.

Автор изводит из себя энергию (исхождение энергии из вненаходимости автора): «Чистая творческая активность, из меня исходящая начинается там, где ценностно кончается во мне всякая наличность <...> В этом моя архитектурная привилегия – исходя из себя, находить мир вне себя – исходящего в акте»⁴⁰.

³⁷ Свт. Григорий Палама. О Божественных энергиях и их причастии. Трактаты / Пер. с греч. арх. Нектарин (Яшуновского). Краснодар: Текст, 2007. С. 39-89.

³⁸ Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / Собрание сочинений в 7-ми томах, Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 97.

³⁹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 97.

⁴⁰ Там же. С. 203.

Творческая энергия имеет первопричину во вневременности автора, из которого она исходит и в следствие чего «рождает и воплощает героя в новом плане бытия».

«Вследствие интимной близости определенного героя к самому принципу художественного видения – вочеловечению – <...> творческого отношения автора <...> анализ нужно начинать всегда с героя (иначе –Э.З) мы можем потерять принцип инкарнации темы через потенциального героя-человека <...> и его конкретную архитектуру подменить прозаическим рассуждением»⁴¹.

Типов анализа художественного произведения может быть много, но эстетический анализ по Бахтину прежде всего сфокусирован на этом принципе актуализации воплощенного смысла через героя.

Третья глава посвящена практической аналитике художественного произведения с учетом того теоретического построения, которое было представлено в предыдущей главе. Целью эстетического анализа является прояснение невидимой архитектуры через видимую словесную художественную форму. Архитектура эстетического объекта – это модель человеческой личности во всей максимальной ее проявленности в акте эстетического завершения. Читатель актуализирует целостность художественного мира вокруг героя. Поэтому эстетический анализ состоит как бы из двух частей: **демонстрация внутренней целостности** через неслучайное взаимодействие всех «факторов художественного впечатления» (ПФСМ) и как следствие этого – **прояснение архитектуры воображенной личности** в трех стадиях своего динамического просветления (становления): от потенциальности к воплощенности и рождению в новом плане бытия.

Первая часть эстетического анализа разделяет архитектуру и композицию. Но подобно тому, как Кант говорил, что бывает схема, построенная не согласно архитектонике, а бывает схема, построенная как проявление архитектурного единства, так и композиция может быть связана с архитектурой проясняющейся личности или не связана с ней.

То есть существуют два понимания композиции: 1. Внеэстетическая данность произведения (композиция без архитектуры) и 2. телеологическое проявление архитектуры в процессе приобщения к художественной форме (композиция неслиянно и нераздельно связанная с архитектурой).

Эстетический анализ касается архитектуры, проявляемой через композицию как неслиянное и нераздельное единство содержания и формы. Архитектура как «воззрительно необходимое и неслучайное взаимодействие конкретных и единственных частей произведения» (Бахтин), проявляемая композицией, должна проявлять героя в его стадийном раскрытии личностного потенциала в произведении. Поэтому в нашем анализе произведений в первую очередь продемонстрирована архитектура целостности внутреннего мира произведения, а потом процесс воплощения

⁴¹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. М. Языки славянских культур, 2003. С. 107.

героя в событие бытия произведения. Архитектоника личности проявляется тремя стадиями: потенциальностью, воплощенностью и рождением в новом плане бытия. Потенциальность – это поиск живого содержания героя в произведении, воплощенность – это процесс его воипостасированности в человека (содержания в форму, неслиянную и нераздельную), рождение в новом плане – это эстетическое завершение (смерть и воскресение героя) в акте триединого между автором, героем и читателем акта согласия (понимания). Такой вочеловеченный *до конца* герой входит в духовную жизнь человечества (в *незавершенное настоящее* человеческой истории (Бахтин «теория романа» Т.3)), преображая и утешая его.

Данный двуаспектный механизм (внутренняя художественная целостность произведения и трехстадийное вочеловечивание героя) эстетического анализа продемонстрирован на материале романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», повести И. С. Тургенева «Вешние воды», рассказа А. П. Чехова «Невеста» и романа О. Стрижака «Мальчик».

Содержание диссертации представлено в следующих публикациях:

**В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:**

1. *Зайцева Э. В.* Художественная циклизация в эпической прозе (к проблеме сопоставительного анализа жанровых форм цикла и романа) // Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып.4 С. 127–136

2. *Зайцева Э. В.* Эстетика словесного творчества М. М. Бахтина в свете догматического богословия // Новый филологический вестник. 2024. №68 (1). С. 20–30

3. *Зайцева Э. В.* «Две власти» в произведении: трактат М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» и пост халкидонское богословие // Новый филологический вестник. 2025. № 73 (2). С. 51–61.

4. *Зайцева Э. В.* Единство богословского и карнавального начал в повести И. С. Тургенева «Вешние воды» в свете методологии М. М. Бахтина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11(1), С. 24–33.

В других изданиях:

5. *Зайцева Э. В.* Спасительный образ Беатриче в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы VIII межвузовской научно-практической конференции. М.: МГПУ, 2023. С. 89–97.

6. *Зайцева Э. В.* Хронотоп в рассказе А. П. Чехова «Княгиня»: А. А. Ухтомский и М. М. Бахтин // Традиционные духовно-нравственные ценности в русской культуре, науке и образовании: материалы конференции. Ярославль : ЯрГУ, 2026. С.139–147.